

Виктор САЗЫКИН

Подарок Рабиндраната

История эта скорее похожа на литературный анекдот, но произошла якобы доподлинно, во всяком случае, из всех действующих персонажей её — двое достоверно известные, хотя имя профессора Тимофеева знакомо всё же сравнительно ограниченному кругу лиц, зато поэту Инну Гоффу помнят многие.

* * *

Итак.

Морозной зимой сорок шестого года в московский дворик на Тверском бульваре, где и поныне располагается Литературный институт, вошёл бравый лейтенант с гвардейским знаком на груди — будущий довольно известный советский поэт (назовём его условно Фёдор, не намекая ни на кого, кто бы мог скрываться под этим именем). Чувствовалось, у молодого человека замечательное настроение, когда абсолютно всё в окружающем мире вызывает нечто среднее между восторгом и удивлением: и этот морозный воздух; и снежный хруст под локвиными офицерскими сапогами; и режущее глаза блистательное солнце; и, конечно же, оглянувшись не без интереса на него, молодого, подтянутого, барышни-студентки, которым он так лихо козырнул; и даже этот, в общем-то, не столь примечательный приземистый дворик за резной чугунной решёткой, где на воротном столбе — революционный барельеф Герцена, как печать незабываемой славы, а в глубине — знаменитый дом писателя с лепниной по фронтонам (потом здесь поставят и скульптуру самого Александра Ивановича с гранками «Колокола» в руках), — всё, всё вызвало в душе молодого поэта ликование! Тем более что ему предстояла радостная встреча с друзьями, обитавшими в столь славном заведении.

Молодцевато оправивши шинель и португале, лейтенант упругим, хрустким шагом направился к входным дверям института. Но не успев войти, как сходу его обляпал и крепко стиснул в объятиях другой поэт (скажем, по имени Николай), тоже будущий лауреат всяческих премий. Но всё это — премии, слава, награды — всё это будет потом, годы и десятилетия спустя. А сейчас морозной зимой сорок шестого они и без того счастливы, потому что молоды, талантливы, безумно влюблены в поэзию, несказанно верят в свой предназначение и, наконец, потому что они победители — оба недавние фронтовики. Да, сверххороши Фёдор ещё при погонах, а Николай, как и многим, вообще не во что переодеться, так и ходит по фронтовой одежке (а как хочется порой принарядиться!), и постоянно мучает голод, чёрт бы его побрал в такое замечательное время; а Москва ещё не залечила боевые раны, тут и там остаются следы бомбёжек, но всё уже прибирается, всё восстанавливается — всё наладится!

Братушки обнялись, немного проследились. Николай, оказывается, увидел Фёдора из окна верхнего этажа и, к удивлению всей аудитории, вдруг ринулся вон стремглав...

Ба, да к ним пожаловал сам Фёдор (такой-то), недавно прогремевший фронтовыми стихами на всю страну! Братушка! И только звякнул институтский звонок на перемену, как поэт-лейтенант обступили и другие студенты, с которыми он уже отчасти был знаком.

Между тем Николай и Фёдор успели распространить друг друга, что и как, какими, так сказать, судьбами... Выяснилось, что лейтенант в Москве по случаю командировки от воинской части. Конечно, решил непременно повидать друзей, а заодно разузнать насчёт поступления в литинститут на заочное отделение.

Студентов-фронтовиков в институте страшно уважали, всех до единого знали в лицо, да и ходили они не только от бедности, но и некоей гордости во фронтовых обносах, что нисколько не принижало их заслуженного авторитета. Потому, когда на виду у всего института обнимались, целовались, смахивали руками невольные слёзы эти крепкие парни в потёртых шинелях и гимнастёрках (а ведь поэзия кровавые поля, ранения и эвакооспитали), у наблюдавших эту сцену не нюхавших пороха студентов от зависти ныло в груди: герои, таланты, братья!

Когда немного успокоились, синеглазый, размашистый Николай сейчас же заявил:

— Братцы, встречу надо отметить, — и выскрб из кармана жалкие остатки стипендии.

Идею, разумеется, все тут же поддержали. Правда, у них ещё целая лекция... Тем не менее, тотчас полезли в нищие карманы.

— Не суетитесь, ребята, — остановил Фёдор, — вышить найдётся, у меня с собой спирт. Только вот закусь нет. Я, братцы, тоже поиздержался... А по правде, — сконфузившись засмеялся он, — у меня деньги вынули из кармана.

— Эх ты, растапа! Тоже нам гвардеец, — Не лайся, главное, спирт цел, верно?

— Целая фляжка неразведённого, — подтвердил Фёдор.

— Живём, братушки! Айда к Капитону!

И четверка молодых фронтовиков двинулась за угол дома, где находилась институтская кочегарка, о которой свидетельствовали закопченная дверь и у входа два припорошенных снегом бугорка, уголь и шлак.

Истопник Капитонич — сухой, небритый, старомодно усатый и насмешливый старик воспринял идею фронтовиков всприснуть встречу в его заведении вполне здраво. Студенты и так к нему частенько заходили, кто погреться, кто душу стихами излить, а тут такой повод, сам Бог велел.

— Капитонич, у тебя чего-нибудь закусить найдётся? — с порога спросил деловито Николай и пояснил в чём дело.

— Закусить-то? — старик поскрёб за ухом, вспомнил, что в тумбочке у него лежит полдожинки картофеля, которые, конечно, испечь недолго... — А какова будет масса пития? — уточнил диспозицию истопник и, услышав, что целая фляжка чистого спирта, прикинул в уме, что на голодные желудки (знал, что студенты недодают)... без хорошей закуски, конечно, многовато на четверых (себя в счёт как бы не принимал)... Ну, что это за закуска по картошке на брата?.. М-да... А вообще-то...

— Капитонич вдруг нацелено прищурил глаз на лежанку в углу. — Вот что, ребятки. У вас уроки-то кончились? — спросил, обращаясь к Николаю.

Тот ответил, дескать, ну их к лешему, эти уроки, такая встреча, понимаешь ли, Капитонич...

— Э, нет! — иравоучительно возразил истопник. — Сначала уроки, а потом уж гуляба. Вайте, идите, а закуска у вас гарантирую. Накормлю — будь здоров! Через часок приходите — всё будет в ажуре, — и старик деловито и как бы нетерпеливо потёр сухие, крепкие, с угольным блеском прокопчённые ладони.

— Точно, Капитонич? — недоверчиво переспросил Николай, трогая голодно урчащий живот.

— Сказал — basta! — подтвердил Капитонич.

И молодая ватага, торопясь не опоздать на лекцию, вывалилась на мороз из кочегарки. Фёдор охотно пошёл вместе со всеми.

* * *

По причине отсутствия преподавателя расписание, оказывается, сменилось, и вместо «Зарубежной литературы» читал профессор Тимофеев «Теорию литературы». Леонид Иванович хотя и был не формально общителен со студентами, но по-своему строг, опозданий и прочих неурядиц не любил. Однако узнав, в чём дело, то есть, что в гостях офицер-фронтовик, поэт и журналист, неудовольствия своего на этот раз не высказал.

Лекция была, безусловно, интереснейшая. Тимофеева любил. Сегодня Леонид Иванович был в ударе и, то и дело поправляя спадавшую на лоб прядь волос, особенно вдохновенно говорил о высоком назначении поэзии, искусства, литературы; в занимательной форме рассказывал о своих встречах с Горьким, Ромулом Ролланом и даже с индусом-бенгальцем Рабиндранатом Тагором — великим другом Советского Союза. Когда последний, ещё до войны, побывал в России и затем писал хвалебный очерк о грандиозных социалистических переменах, Леонид Иванович не раз общался с товарищем Тагором.

— Вот послушайте, что он писал, друзья мои, цитирую по памяти: «Другие страны, в которых я был (а Тагор объездил множество стран), не так волновали моё воображение. Простой народ сбросил бремя неравенства, смог выпрямить спину и поднять голову. Они теперь стоят в мире людей с высоко поднятой головой. У них независимые, руки свободны». А вот ещё из его знаменитых «Писем»... Кстати, великий индус подарил мне, тогда ещё молодому учёному...

А что подарил, профессор не успел дорассказать, так как прозвенел звонок, и голодным студентам — профессор это понимал — было не до подарка великого писателя: естество требовало своё. М-да... телега, подвозящая хлеба человечеству, тоже не последняя вещь, мудро подумал Леонид Иванович. Правда, друзья-фронтовики ещё на целых десять минут задержались возле него, но разговор перешёл на современную поэзию, и Фёдора, к смущению его, попросили прочитать недавно опубликованные стихи, которые прозвучали на Тимофеева очень сильное впечатление, а когда он услышал, что фронтовик собирается поступать в институт, суровым голосом проговорил:

— Обязательно, обязательно надо учиться! — и пообещал авторитетно поспособствовать, чтобы молодого, талантливого поэта-фронтовика зачислили без проволок.

Дорогой в кочегарку Николай хлопал Фёдора по плечу, говоря:

— Ну, брат, считай, что ты уже зачислен. А это уж тем более надо отметить.

А той порой из кочегарки!.. А из кочегарки той порой — лишь отворили дверь — обдало запахом такой вкислятины, что у голодных парней аж скулы повело.

— Ну, Капитонич, ну, старый хрыч, где же ты всё это раздобыл?! — удивлялись студенты, когда истопник важно подал на противне жареное мясо, к нестерпимому аромату которого не менее слабно присовокуплялся сладко-горьковатый дух печёной картошки.

— Да ко мне тут, ребятки, недавно родственник из деревни приехал. Охотник заядлый. А у них там зайцы прямо по огородам бегают, все яблони пообгрызли. Ну вот, он трючку и привёз нам со старухой. А я тут недалече живу, мигом сходил, думаю: хлопцам — самая закуска! Милости прошу. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

Старик вынул из тумбочки пару кружек, гранёные стаканы, и ирпешество начался.

Под зайчатину и разговоры фляжка чистейшего спирта пошла, как впридачу.

— Ешьте, ешьте, — угощал Капитонич.

Сам он выпил лишь для блезиру — ни-ни, служба! — а закусьвать и вовсе не стал (он же только из дома, пообедав), занялся пропитанным каменной пылью рукавом — и шабаш.

Захмельные друзья вспоминали фронтовые дела, наперебой читали стихи, спорили: кто вот это стихотворение написал, а кто вот это:

Ветер, поле, я да Русь
В мире небывалом.
Не сдаться? — Не сдаюсь
Никаким шакалам.

— Глазков, Глазков! — кричали хором, угадавши автора («благенного» Глазкова в то время совершенно не печатали, но стихи его гуляли по Москве).

— Ребята, а помните потрясающие строчки? — горячился Николай и, прочистив горло, молодым зычным голосом читал:

... А потом
Мы пили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

— Гудзенко! Гудзенко! — кричали хором, угадавши автора («благенного» одного из самых знаменитых молодых поэтов-фронтовиков тотчас вспомнили, что сегодня в общежитии как раз вечер поэзии, на котором, конечно же, будет и Семён — заправила в таких мероприятиях.

— Ребята, айда в общежитие! Фёдор, айда с нами.

— Капитонич, — прощаясь с истопником, тискал его в объятиях крепкошпанный Николай, — мы тебя прославим в стихах! Зайчатина была что надо! Правда,

жестковата, — добавил.

— Зац, наверное, старый попался, — довольный, расправлял усы Капитонич.

На улице уже стемнело, и над московскими крышами кралась кошкатула.

При выходе из кочегарки столкнулись со студентом-старшекурсником Александром, тоже весьма известным московским поэтом, которого, однако, многие недолюбливали за гонор и какое-то легкомысленное фантазёрство. Тем не менее поинтересовался, будет ли он тоже сегодня на литературно-поэтическое вечер.

— Непременно, — небрежно ответил тот.

Действительно, он, как и Гудзенко, был завсегдагдем литературных чтений и диспутов, имел успех, особенно у почитательниц его таланта. Как же не прийти? Тем более что в последнее время он увлекся подающей надежды поэтической Инночкой Гофф, которая, конечно, будет на вечер. Народу там вообще набивалось всегда до отказа.

* * *

В субботу профессор Тимофеев опять читал лекцию в литинституте. В аудитории было зверски холодно, батареи грели чуть-чуть: истопник Капитонич по указанию ректора сэкономил уголь из расчёта как-нибудь дотянуть до весны. Студенты сидели, не снимая шинелей и пальто. В первом ряду, у батареи, заснувший Инночка Гофф, похожая на пригретую кошку.

А профессор Тимофеев был не в духе. Во-первых, издательство, где вот-вот должна была выйти его книга, вежливо сообщило, что по объективным причинам план срывается. Чёрт те что творится! А во-вторых, вчера у благоверной среди бела дня прямо из-под рук спёрли... Да что же это такое?! Когда, наконец, в стране наведут порядок? Чёрт те что!.. К тому же опять куда-то запропастился Хинди... Он и до этого нередко... И потом эти чёртовы морозы! Когда они кончатся? Профессору было холодно, чем студентам, потому что не мог же он себе позволить читать лекцию в пальто. Леонид Иванович сурово бодрился и, чтобы согреться, ходил взад и вперёд живое обычного.

Вдруг профессор приостановился и как-то так внимательно прицелился в сторону Инночки Гофф. Затем поворочился и пошёл к ней. Подойдя, очень заинтересованно спросил:

— Простите, пожалуйста, а что это у вас такое? — указал на муфточку, несколько потёртую на вид.

— Это? Муфта, — ответила тихо юная поэтесса, недоумённо пожав плечиком.

— Я вижу, что муфта. Но скажите, откуда она у вас?

— Муфта? — Инночка почему-то пок-

расела.

— Да, муфта, — начал раздражаться профессор. — Откуда она у вас?

Инночка покраснела ещё больше.

— Ну-у... подарили мне.

— А позвольте спросить, кто именно подарил?

— А разве это важно, Леонид Иванович? — ещё тише ответила девушка.

— Нет уж, вы извольте отвечать, товарищ студентка. Если я спрашиваю, значит, имею на то решительные основания. Так кто же вам подарил?

«Товарищ студентка» помялась и, наконец, смущенно ответила, что подарила муфточку старшекурсник такой-то, и назвала фамилию поэта-москвича.

— Кто, кто? — удивился профессор. Уж кого-кого, а этого хлюста Тимофеев хорошо знал, поскольку не раз заступался за него перед ректором: талантливый сукни сын, из приличной семьи, а выкинет порою какой-нибудь москвич, и впридачу в три штыля из института. — А позвольте полюбопытствовать, где он эту муфточку взял?

— Сказал, что купил, — совсем оробело ответила студентка.

— Так-так-так... — что-то соображал профессор. — Знаете, вы мне эту муфточку, пожалуйста, отдайте сейчас, а вашего друга-дарителя сей же миг, повторяю, сей же миг, найдите и приведите ко мне на кафедру. — Леонид Иванович взглянул на часы — через три минуты должен быть звонок — и, не дожидаясь, объявил, что лекция закончена, сам торопливо вышел.

Все тотчас бросились расспрашивать Инночку Гофф, в чём дело, что случилось.

Да откуда она знает! Сашка вчера приходил в общежитие и... и подарил.

Вон какая холодыря!

Гофф пошла искать по аудиториям скандального поэта.

Когда нашла и сообщила тому, что профессор Тимофеев вызывает его по поводу той самой муфточки, которую он подарил ей и которую профессор изъял в качестве какой-то улики, и поэта отвисла челюсть.

— Саша, скажи, — стала пытаться его Инна, — где ты взял эту муфточку? Ты украл её?

— Ты сама сошла!

— Молчи. Слушай меня, — собралась в упругий комочек студентка. — Мне кажется, Тимофеев не хочет обнародовать этот факт. Поэтому иди и признайся во всём, и, может, всё уладится.

Пойдём, говорю, — и Гофф, вцепившись маленькой ручкой в драповое пальто поэта, поволокла его за собой к Тимофееву.

Но когда вошли в кабинет, поэт вдруг первым напал на профессора:

— С чего вы это взяли, Леонид Иванович, что я украл у вас муфточку?

— У меня? — вроде как ошепшил профессор.

— У вас — у кого же? То есть, наверное, у вашей супруги?

— Э-э... погодите... Так вы ещё и украл!

— Леонид Иванович, уверю вас, не краля я её.

— И всё-таки? — настаивал профессор.

— Ну, хорошо, — сдался поэт и, смущаясь, рассказал всё, как было.

* * *

А было так... Впрочем, по порядку.

Когда студенты ушли от Тимофеева (надо сказать, ушли в полном недоумении), профессор какое-то время сидел озадаченный. «Ах, Капитонич, Капитонич! Вот никогда бы не подумал... Ах, до чего людей война довела. Разве советский человек при нормальных обстоятельствах докатился бы до этого? Нет, экономии надо восстанавливать самым решительным образом! Иначе не за горами нравственное разложение общества, крушение идеалов, неверие. Но потерять веру в человечество — страшный грех! О, тысячу раз прав певец Золотой Бенгалии».

Благородные мысли не помешали, однако, вспомнить профессору, что сегодня полудня и день отоваривания. Тимофеев оделся, взял портфель, прошёлся коридорами института, спустился по лестнице к вахтеру, сдал ключи и пошёл в спецмагазин, где отоваривали по карточкам. Ему, как профессору, полагались кое-какие деликатесы: краковская колбаса, зернистая икра, шпроты, кое-что из сладостей и даже коньяк. Всё сложил в портфель, он так же неторопливо и степенно возвратился к институту, чтобы дворником пройти на Большую Бронную.

Проходя мимо институтской кочегарки, приостановился, о чём-то подумал и решительно направился туда.

Истопника Капитонича профессор знал много лет: он и до войны топил, и всю войну, и теперь топил, он и плотник, и столяр, и сторож — безотказный работник. И чтоб до такого докатиться!

— Здравствуй, Капитонич!

— Здравствуй, Леонид Иванович!

— Чего-то сегодня в аудиториях холодовато? — издали начал профессор.

— Приказ — экономить уголь. А приказ — не кол, его не обтешешь.

— А я вот по какому делу к тебе, Капитонич, — профессор оглянулся кругом, где бы попоче...

Истопник подвинул ему табуретку, предвзято сморщив с неё копыт рукавиц.

Профессор не сел. Поставил на табуретку портфель, расстегнул и вынул муфточку.

— Вам знакома эта вещьца, Василь Капитонич? — строго, как следователь на допросе, спросил Тимофеев.

Истопник отёр о стёганые штаны чёрно-сальные от угля руки, взял осторож-